

А.В.Комар

ПОГРЕБЕНИЕ КОЧЕВНИКА НАЧ. VIII В. У СЕЛА ЖУРАВЛИХА В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

В 1989 г во время разведки в Ставищенском р-не Киевской обл. у с. Журавлиха М.Н.Стрихарем были обнаружены два полуразрушенных кургана. В разрезе одного из них наблюдалось разрушенное техникой при установке триангуляционного знака погребение, доисследованное в охранных целях (Стрихар М.М., 1992)¹.

Курган 1 располагался в 1,5 км к северо-западу от села на высокой второй террасе правого берега р. Цицилия (левый приток р. Гнилой Тикич). До разрушения распахивался, на момент исследования имел высоту 1,6 м от современной поверхности и диаметр около 20 м. Траншея шириной 2 м была проложена по периметру насыпи, образовав почти правильный квадрат (рис.1, 1). Стратиграфию кургана удалось частично проследить благодаря зачисткам стенок траншеи (рис.1, 2). Насыпь, сооруженная в один прием, состояла из однородного чернозема, продолжавшегося и ниже уровня современной поверхности; глубина залегания материка не установлена.

Впускное погребение 1 находилось в 3 м к западу от центра насыпи. Могильная яма фиксировалась с глубины 1 м; дно отмечено на глубине 1,4 м от репера. Контуры ямы в гумусном слое насыпи просматривались с трудом, поэтому погребение было околонушено лишь условно (рис.2). Очевидно, это была яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, возможно, с выступом в юго-восточном углу, шириной около 1 м, в длину сохранилась на 1,2 м; западная часть уничтожена траншеей. Вытянута по линии 3-В (азимут 89°).

На дне в вытянутом на спине положении находился скелет плохой сохранности (рис.2, 1), ориентированный головой на восток. Череп наклонен лицевыми костями вправо, правая рука вытянута вдоль тела. Нижняя часть скелета, на уровне тазовых костей, обрезана траншеей. Слева от человека, на одном уровне с ним, располагались конечности и череп коня (рис.2, а, б). Чуть выше уровня скелета в заполнении найдены: два стремени (рис.2, в) и железные подпружные пряжки, которые располагались слева и справа от правого предплечья (рис.2,

д, е); а возле правой ключицы – золотая монета (сольд) в качестве подвески (рис.2, в).

Обряд погребения

Для погребения был выбран относительно небольшой курган, расположенный традиционно для Поросья на террасе возле берега реки. Могильная яма оказалась устроенной практически в центре насыпи, с незначительным смещением к западу. Прокопали ее на небольшую глубину, так что дно могилы находилось выше древней дневной поверхности. Тип погребального сооружения точно не восстанавливается, но вряд ли оно было сложнее, чем обычная яма или яма с заплечиками. Во всяком случае, в нашем распоряжении предпосылок к таким заключениям нет.

Умершего, судя по наклону головы вправо, опускали с левой (южной) стороны. Несмотря на отсутствие многих костей можно достаточно уверенно утверждать, что погребенный был уложен вытянуто на спине, с руками вдоль тела. Об одежде данных нет, неясно даже, был ли на нем пояс, поскольку область талии все-таки не была нарушена. В области пояса найдена одна из железных подпружных пряжек (рис.2, е), которая располагалась выше тела в заполнении. Единственная несомненная принадлежность убора умершего – это золотая монета-подвеска, очевидно, висевшая на шнурке на шее. Учитывая традиционные места расположения лука, стрел и меча, мы практически исключаем возможность нахождения в п.1 к.1 Журавлихи этих видов вооружения, но при погребенном мог находиться боевой нож, обычно располагавшийся у левого бедра.

Судя по наличию в могиле костей коня, после завершения прощания с телом к могиле подвели и принесли в жертву коня. С животного была снята шкура с головой и обрубленными нижними частями конечностей (о копытах данных нет), которую уложили в слаборастянутом положении слева от умершего, головой в противоположную от человека

¹ Благодарим М.Н.Стрихаря за предоставленные для публикации материалы.

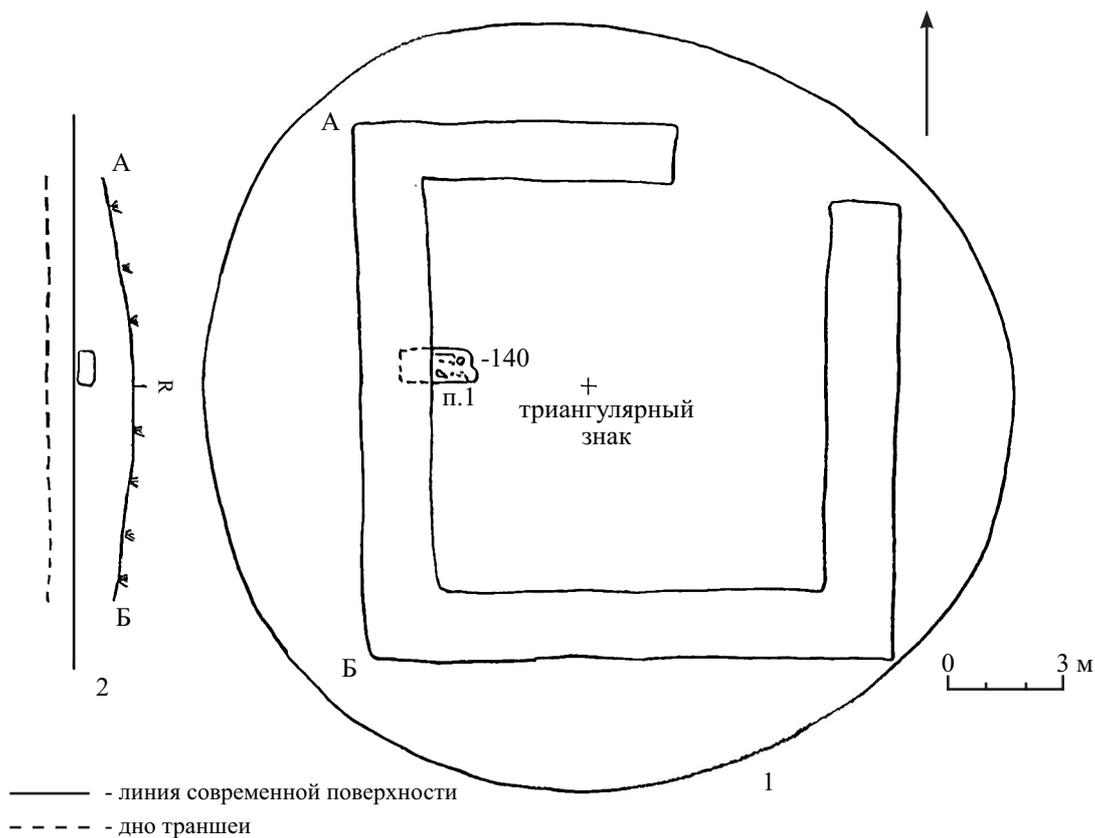

Рис. 1. План и разрез кургана 1 у с. Журавлиха.
 Fig. 1. The layout and section of barrow 1 near Zhuravlikha village.

сторону с поворотом храпом на юг. Расположение стремян и подпружных пряжек позволяет предположить, что сверху на тело умершего (или, возможно, на какой-то вид несохранившегося гробовища) уложили седло. Поскольку упоминаний в отчете об угольках или костях животных в заполнении нет, на этом, скорее всего, непосредственно ритуал погребения закончился, а яму засыпали.

Основные признаки обряда: впускное погребение с восточной ориентировкой в сопровождении шкуры коня, а также инвентарь относят п.1 к.1 Журавлихи к разряду рядовых погребений перещепинской культуры сивашовского типа (см.: Комар О.В., 2002а, а также работы настоящего сборника). Тем не менее, на фоне северопричерноморской группы погребение выделяется несколько необычными чертами. В первую очередь, это расположение шкуры коня на одном уровне с умершим, а не выше его на перекрытии ямы или ступеньке. Вторая особенность – шкура не растянута по всей длине могилы, а лишь до половины. Третья – она ориентирована в противоположную от человека сторону. Первый признак отмечен как особенность восточноприазовской группы погребений: п.5 к.4 у хут. им.Крупской, п.2 к.29 Чапаевского, п.3 к.30 Калининской

(Атавин А.Г., 1996, с.209; табл.1; 4; 12). Второй признак, до половины растянутая шкура, известен в Северном Причерноморье только в п.11 к.1 Ковалевки (Ковпаненко Г.Т. и др, 1978, рис.28, 16) и п.3 к.5 Заплавки (Шалобудов В.Н., 1983, рис.1, 1), а в Восточном Приазовье – в уже упомянутых п.5 к.4 Крупской, п.2 к.29 Чапаевского, правда, в Заплавке и Крупской шкура растянута поперек ног умершего. Третий признак, противоположная ориентировка шкуры коня по отношению к человеку, отмечен все в том же Восточном Приазовье – в п.1 к.8 Старонижестеблиевской (но справа от тела) (Атавин А.Г., 1996, табл.23) и в Среднем Поволжье в п.2 к.2 Шиловки (слева на ступеньке подбоя) (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.VI, 2). Расположение черепа лошади не параллельно телу человека, а под углом наблюдаем только в п.3 к.5 Заплавки. Кроме способа размещения шкуры коня, погребение из Журавлихи с восточноприазовскими сближает и сооружение погребальной ямы в слое насыпи, не достигая материка или хотя бы уровня древней поверхности. Наконец, еще один близкий момент – ориентировка в сектор 60-135°, а не 30-60°, наиболее характерный для поволжской группы и также распространенный в Северном Причерноморье. Впрочем, преоблада-

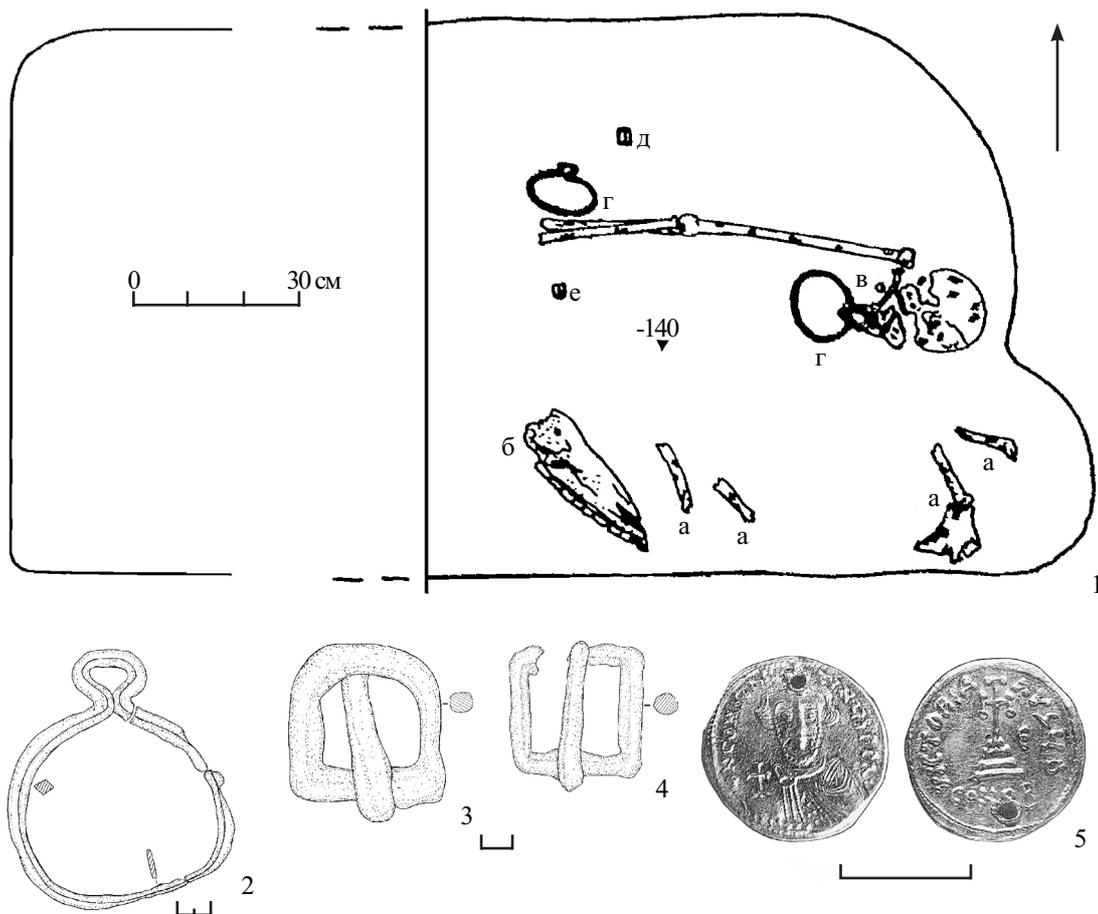

Рис. 2. Журавлиха. 1 – план и разрез погребения 1: а – кости коня; б – череп коня; в – золотой солид; з – стремена; д, е – железные пряжки; 2 – стремя; 3, 5 – железные пряжки; 4 – золотая монета.

Fig. 2. Zhuravlikha. 1 – a layout and a section of barrow 1: а – horse bones; б – a horse skull; в – a golden solidus; з – stirrups; д, е – iron buckles; 2 – a stirrup; 3, 5 – iron buckles; 4 – a golden coin.

ние именно сектора 60-135° наблюдается во всей лесостепной группе погребений сивашовского типа, что, возможно, связано с сезонными перекочевками. В любом случае, степень близости погребения из Журавлихи к восточноприазовской группе погребений оказывается больше, чем к северопричерноморской, что следует и зафиксировать как вывод.

Инвентарь погребения

Украшения

Золотая монета с пробитым в ней отверстием (рис.2, 5) использовалась как украшение. Византийский солид Константа II выпуска 646-651 гг: на лицевой стороне погрудно изображен император в диадеме, одетый в хламиду, застегнутую фибулой с правой стороны, держащий в правой руке дер-

жаву с крестом. По кругу – надпись DNCONSTANTINVSPPAV. На обратной стороне – крест на трех ступенях; по кругу надпись – VICTORIA AVGVB, внизу под ступенями – CONOB, справа от креста – маркировка “ε”. Наш экземпляр близок солидам № 13-16, по С.Морриссон, но имеет официну “В”; исследователь сужает дату чеканки таких монет с литерой “ε” у креста до 646/647 г (Morrisson С., 1970, S.336). Отверстие пробито так, чтобы в подвешенном состоянии монета сохраняла правильную ориентировку аверса.

Использование византийских солидов в качестве подвесок зафиксировано и в других кочевнических комплексах, причем везде наблюдается та же картина правильной позиции аверса – п.24 Осиповки (Беляев О.С., Молодчикова I.O., 1978, рис.2, 4), к.1 и п.2 к.2 Шиловки (Багаутдинов P.C. и др., 1998, табл. XIII, 9, 10), Келегеи (Prichodjuk O., Chardaev V., 2001, Abb.8), Чир-Юрт (Магомедов M.Г., 1983, рис.28). Солиды времени единоличного правления

Константа II выпуска 642-646 гг представлены в Перещепине (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М51-69, с.20), Новых Санжарах (Семенов А.И., 1986а, с.96) и разрушенном кургане из Екатеринославской губернии (Голенко К.В., 1956), но это неполновесные экземпляры и подражания. Полновесный солид этого периода был только в Келегеях (Семенов А.И., 1991, с.126). Солиды Константа II следующих выпусков известны только из погребений соколовского типа: к.14 Подгорненского IV (651-654 гг и 661-663 гг) и к.3 Романовской (661-663 гг) (Семенов А.И., 1988, с.103, 109). В Купянском уезде Харьковской губ. известна и случайная находка солида выпуска 654-659 гг (Кропоткин В.В., 1962, с.37).

При сравнении выпусков солидов Ираклия и Константа II из ингумаций сивашовского типа и комплексов келегейского типа наблюдаем две очевидные тенденции. В первой группе пока не известны весьма распространенные в комплексах келегейского типа неполновесные солиды, и лишь в разрушенном кургане из Екатеринославской губернии находились отливки с двадцатикратных солидов Константа II выпуска 643-646 гг. В комплексах келегейского типа есть только отливка с солида выпуска 613-625 гг, отмеченного в п.24 Осиповки и к.13 Дорофеевки, и совсем не известны солиды выпусков 626-628 гг (к.1 Шиловки, к.14, 16, 20 Чир-Юрта) и 646/647 г (Журавлиха). Совпадения с подкурганными погребениями касаются в основном доираклиевского периода: солиды Маврикия-Тиберия (582-602 гг) известны в Перещепине (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М1) и к.17, 61 Чир-Юрта (Магомедов М.Г., 1977); солиды Фоки (602-610 гг) – в Перещепине (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М2, 3), Новых Санжарах (Кропоткин В.В., 1962, с.36), к.13 Дорофеевки (Семенов А.И., 1991, с.124) и Староджерелиевской (Кропоткин В.В., 1962, с.22). Единственный же случай совпадения выпусков солидов времени Ираклия приходится на выпуск 629-632 гг из Перещепины и подкурганного погребения из Печеной (Залеская В.Н. и др., 1997, кат.М6-9, с.28; Гошкевич В.И., 1903, с.29). Создается впечатление, что комплексы келегейского типа и погребения сивашовского типа оставлены либо группами населения с разными периодами связей с Византией, либо же поступления золотой монеты к рядовому населению и знати приурочивались к разным событиям.

Солид из Журавлихи 646/647 г чеканки поступил к этой группе населения буквально сразу после выплаты знати неполновесными солидами 643-646 гг, которая по полновесному солиду из Келегеев, возможно, может быть сужена до 644/645 г (Семенов А.И., 1991, с.126). Иными словами, в 644/645 г была отчеканена партия неполновесных солидов, купить на которые вещи у обычных византийских торгов-

цев было нельзя, а единственный способ их использования в торговле предусматривал обмен у государственного аргиропрата. Именно эта выплата и поступила к знати рассматриваемой группы кочевников, оставившей комплексы келегейского типа. Но около 646/647 г к рядовому населению попали уже полновесные солиды, свободно реализуемые в торговле с византийцами. Ситуация очень напоминает сначала “пробную” подарочную партию монет, направленную знати для заключения союза, а затем выплату уже доказавшему свою лояльность союзнику. В 645 г византийцы действительно предприняли широкомасштабное контрнаступление против арабов в Египте и Малой Азии, причем в качестве союзников византийцев арабские источники упоминают “тюрков”, действовавших, по мнению О.Г.Большакова, со стороны Азербайджана (Большаков О.Г., 2000, т.2, с.159, 163, 164). Возможно, именно с этими событиями и связана выплата 646/647 г, попавшая в руки группы кочевников, к которой принадлежал и погребенный из Журавлихи.

Снаряжение коня

Железные “восьмеркообразные” стремена, фрагментированы – 2 экз. (рис.2, 2). Стремена выкованы из ромбовидного в сечении прута шириной до 1,4 см, подножка плоская. Форма лучше сохранившегося экземпляра (рис.2, 2) асимметрична, обеспечивала наклонное положение ступни по отношению к оси путлища. Высота стремени – 16 см, ширина – около 13 см, ширина путлища – 4,5 см, ширина петли для ремня – 1,9 см, ширина подножки – 1,8 см.

Больше всего “восьмеркообразных” стремян происходит из Вознесенки, где известны самые разнообразные их варианты, в т.ч. и выполненные из квадратного в сечении прута, но идентичного стременам из Журавлихи все же нет, поскольку их особенностью является асимметрия формы. В Глудосах стремя также из ромбовидного в сечении прута, но симметричное, а подножка слегка вогнута (Сміленко А.Т., 1965, рис.26, 6); в к.17 (м.1) Новогригорьевки – подножка ровная, но петля образована накованными внахлест концами прута (Семенов А.И., 1988, рис.2, 4). Из подкурганных погребений “восьмеркообразные” стремена были обнаружены в п.5 к.12 Портового (Баранов И.А., 1990, с.19), но их рисунка в отчете нет, а также в п.3 к.5 Заплавки (Шалобудов В.Н., 1983, рис.1, 2) и насыпи к.1 Рождественно III (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, рис.27, 8). В Заплавке сечение прута круглое, а в Рождественно – ромбовидное, подножка у второго стремени более уплощенная.

Железная подпружная пряжка U-образной формы (рис.2, 3). Изготовлена из округлого в се-

чении прута диаметром 0,9 см; язычок плоский, сужается к концу, обломан. Размеры рамки 4,8х4,5 см, ширина язычка – 0,7-0,9 см.

Для рассматриваемого хронологического среза пряжка не имеет прямых аналогий, поскольку этот тип пряжек распространяется уже в салтовское время. Ей близки пряжки из п.3 к.4 и п.1 к.1 Новинок II (Матвеева Г.И., 1997, рис.6; 20, 3), но они еще сохраняют едва заметную “лировидность”, а U-образный контур рамки зафиксирован в близком хронологическом срезе лишь у пряжки из насыпи к.2 Бруснян IV (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.LXXI, 1) горизонта Шиловки.

Железная подпружная пряжка трапецевидной формы (рис.2, 4). Изготовлена из округлого в сечении прута диаметром 0,6 см. Общая длина – 4,5 см, размеры рамки – 4х3,7-4 см, ширина язычка – 0,7-0,9 см.

Аналогичные трапецевидные железные пряжки – массовый материал погребений VIII-IX вв., но для комплексов горизонтов Сивашовки и Уч-Тепе они не характерны. Большая коллекция пряжек происходит из Вознесенки; присутствуют такие пряжки и в Глodosах (Смиленко А.Т., 1965, рис.26, 1, 3), Новых Санжарах, п.3 к.5 Заплавки (Шалобудов В.Н., 1983, рис.1, 6, 7), к.1 Шиловки (Багаутдинов Р.С. и др., 1998, табл.VIIIa, 1, 6), п.248 Дюрсо (Дмитриев А.В., 2003, рис.86, 19, 22).

Ширина прорезей рамок обеих пряжек их Журавлихи не сходится с шириной петель для путища стремян. Скорее всего, это пряжки подпруги и подхвостного ремня, при помощи которых крепились седла п.2 к.3 Сивашовки, что видно и по изображению на луке седла из к.1 Шиловки. Не исключено и присутствие в погребении самого седла; обратим внимание на расположение стремян (рис.2, 1), между которыми достаточно точное расстояние на ширину седла, в то время как пряжки подпруги и подхвостника лежат перпендикулярно этой линии.

Датировка погребения

Солид 646/647 г чеканки – несомненный внутренний абсолютный репер для даты публикуемого погребения. Но на сегодня этот солид Константа II – вообще наиболее поздняя монета из погребений сивашовского типа, фиксирующая последнее поступление византийских монет к рассматриваемой группе кочевников, т.е. событие политическое. Относительная же позиция погребения из Журавлихи в системе периодизации перещепинской культуры определяется его связями с другими комплексами. По типу стремян и пряжек наиболее близкие комплексы – Вознесенка, Глodosы и п.3

к.5 Заплавки; трапецевидные пряжки сближают с погребением из Журавлихи и Новые Санжары, к.1 Шиловки, п.248 Дюрсо; U-образные – к.2 Бруснян IV. Все упомянутые погребения хронологически компактны и принадлежат к периоду IV перещепинской культуры или горизонту Шиловки-Романовской (см. работу автора “Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в.” в настоящем сборнике), terminus post quem которого определяет солид Леонтия II 695-698 гг чеканки из Романовской (Семенов А.И., 1985, с.91, 92). В рамках горизонта Шиловки выделяется две фазы, но отсутствие в погребении из Журавлихи поясных деталей не позволяет сузить его позицию, поэтому абсолютные рамки совершения погребения тождественны рамкам периода IV – 695-725 гг.

Исторические предпосылки появления погребения в лесостепи Правобережного Поднепровья

Этнокультурная ситуация кон.VII – нач.VIII в. в регионе

Географическое расположение погребения из Журавлихи (рис.3, 7) всего в 90 км к югу от Киева очень примечательно. В широком значении – это регион Поросья, традиционно рассматривавшийся в советской историографии как “оплот” славянства и историческое ядро древнерусского государства. Но при ближайшем рассмотрении погребение обретает и культурный, и исторический контекст.

Южнее Журавлихи расположены два синхронных кочевнических комплекса – Глodosы (рис.3, 11) (Смиленко А.Т., 1965) и Ясиново (рис.3, 12) (Айбабин А.И., 1985), севернее – разрушенный курган у Белой Церкви (рис.3, 3), из которого происходит стремя вознесенского типа с инкрустацией, хранящееся в экспозиции Белоцерковского краеведческого музея, и подкурганное кремационное погребение из Геленовки (Rulikowski E., 1880) (рис.3, 2), расположенное всего в 40 км к югу от Киева. Все 5 упомянутых кочевнических комплексов выстраиваются в четкую линию, вероятно, совершенно не случайно совпадающую с маршрутом печенежских вторжений в Киевское княжество. Этот путь лежал между густо заселенными славянами регионами Побужья и Приднепровья (рис.3), вдоль берегов Гнилого Тикича, обходил также и не менее населенный регион Поросья с форсированием самой р.Роси в районе Белой Церкви.

Восточнее очерченной линии проникновения кочевников на Киевщину – в Приднепровье и

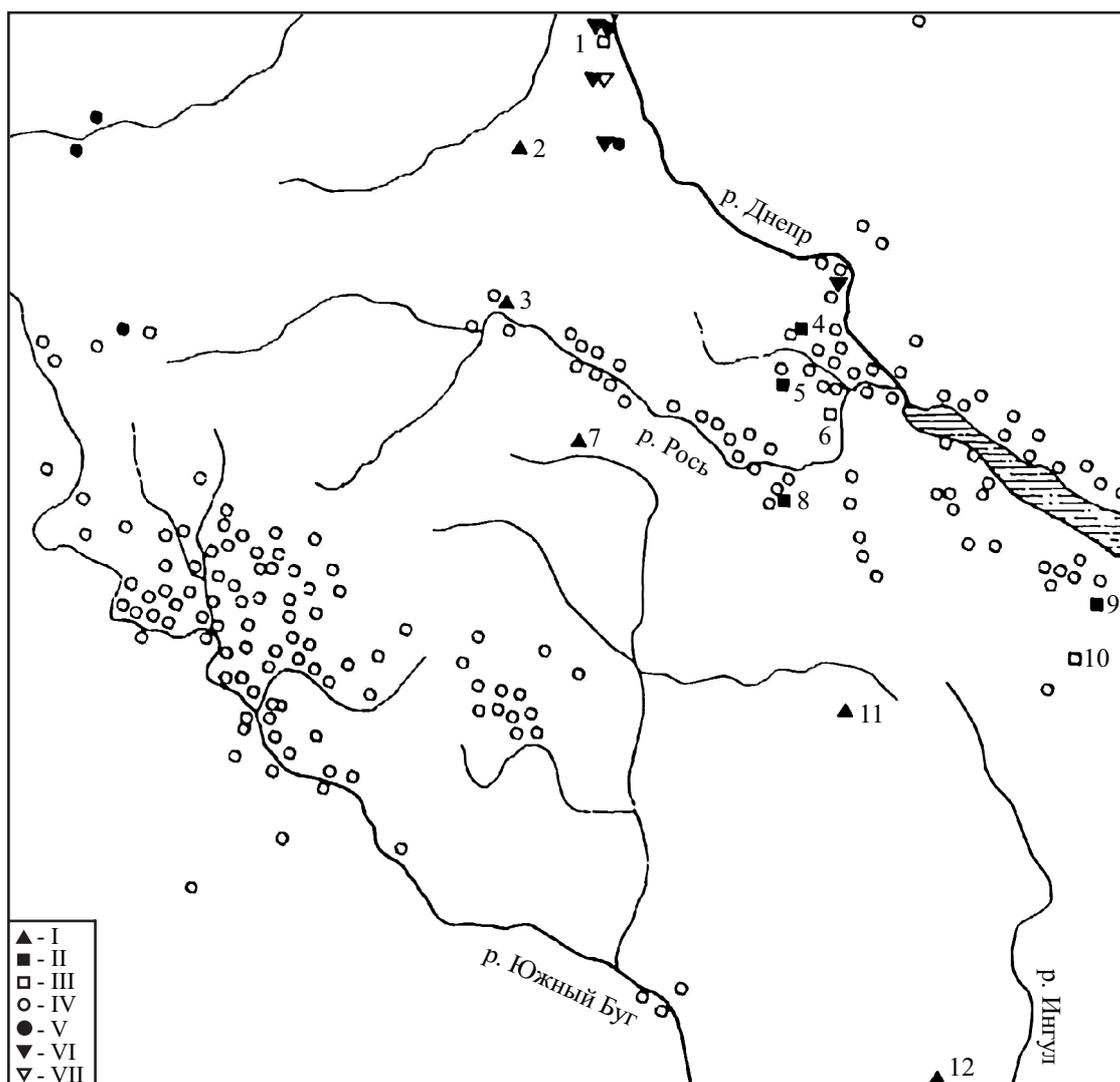

Рис. 3. Этнокультурная ситуация в Правобережном Среднем Поднепровье в VII-VIII вв. I – кочевнические комплексы; II – славянские клады 1-й группы; III – клады 2-й группы; IV – поселения пеньковской культуры; V – поселения пражской культуры; VI – поселения волынцевской культуры; VII – поселения колочинской культуры. 1 – Киев; 2 – Геленовка; 3 – Белая Церковь; 4 – Малый Ржавец; 5 – Мартыновка; 6 – Воробьевка; 7 – Журавлиха; 8 – Вильховчик; 9 – Хацки; 10 – Пастырское; 11 – Глодосы; 12 – Ясиново.

Fig. 3. The ethnocultural situation in the medium right-bank Dnieper reaches in the VII-VIII c. I – nomads complexes; II – Slavonic hoards of the 1st group; III – hoards of the 2nd group; IV – settlements of Penkovskaya culture; V – settlements of Prague culture; VI – settlements of Volyntsevskaya culture; VII – a settlement of Kolochinskaya culture. 1 – Kiev; 2 – Gelenovka; 3 – Belaya Tserkov; 4 – Malyi Rzhavets; 5 – Martynovka; 6 – Vorobievka; 7 – Zhuravlikha; 8 – Vilhovchik; 9 – Hatski; 10 – Pastyrskoie; 11 – Glodosy; 12 – Yasinovo.

Поросье – наблюдается выразительное скопление славянских кладов 1 и 2 группы, по О.А.Щегловой (Щеглова О.А., 1990; Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996; Корзухина Г.Ф., 1996), причем выпадение кладов 2 группы – Пастырское, Воробьевка (Горобиевка), Киев (рис.3, 1, 6, 10) – сопровождается явным разгромом Пастырского городища (рис.3, 10). Своеобразный “ответ” находим совсем рядом, в Глодосском комплексе (рис.3, 11), в виде костных

остатков с наличием рубленных ран в области головы и бедра (Гінзбург В.В., Добряк В.Й., 1965, с.72). Все указывает на вооруженный конфликт славян Приднепровья и Поросья с кочевниками, закончившийся трагически не только для славян Пастырского городища, но и для знатного кочевнического предводителя.

Большинство исследователей славянских кладов рассматриваемого периода сходятся во мне-

нии о одновременности кладов 1 и 2 групп (по О.А.Щегловой), что должно указывать на два кочевнических вторжения. Ареал кладов 1 группы, в целом, близок ареалу кладов 2 группы (рис.3, 4, 5, 8, 9), причем расположение кладов из Мартыновки и Малого Ржавца севернее Роси в любом случае предусматривало форсирование кочевниками этой реки. На этапе же кладов 2 группы вторжение оказалось масштабнее, оно охватило уже не только пеньковский, но и пражко-колочинский ареал, достигнув Киева (рис.3). Интересно, что наиболее северное погребение из Геленовки (горизонт Галиат – Геленовка – около 725-740 гг) действительно несколько позднее других кочевнических погребений региона – Журавлихи, Белой Церкви и Глодос (фаза 1 горизонта Шиловки – около 695-715 гг). Но проблему хронологических отличий кладов 1 и 2 групп это вряд ли решает, ведь сокрытие “антских” кладов 1 группы И.О.Гавритухин, О.М.Приходнюк и О.А.Щеглова относят к 3-й четв. VII в. (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996; Щеглова О.А., 1990; 2000; Приходнюк О.М., 2001), в то время как все рассмотренные кочевнические погребения принадлежат уже к VIII в.

Очевидно, здесь стоит обратить внимание на Днепро-Левобережье, где выпадение кладов 1 группы сопровождалось появлением в лесостепи кочевнических погребений горизонтов Сивашовки – Макуховки (post 643 – post 669 гг) и Уч-Тепе – Келегеи (post 669 – post 695 гг): Макуховка, Перещепина, Рябовский могильник, Поставмуки, Арцибашев, Березовка. Глубокое вторжение кочевников на Левобережье приходится в основном на последнюю треть VII в. Этим же временем следует датировать и выпадение славянских кладов 1 группы на Правобережье, учитывая сходство некоторых технологических и декоративных признаков изделий Мартыновского и Хацковского кладов с кочевническими изделиями горизонта Уч-Тепе – Келегеи (прессованные и паяные коробчатые детали, композиция зерни в виде “ромбов”).

Ареал распространения славянских кладов 1 группы довольно точно совпадает с ареалом во-лынцевской культуры и одновременно с зоной расселения хазарских данников – северян, полян, вятичей, причем наличие в составе волынцевских комплексов предметов салтово-маяцкого круга уверенно маркирует границы политического влияния Хазарского каганата в восточнославянском мире (Сухобоков О.В., 1992, с.29-36, 60-66; Петрухин В.Я., 2001, с.139; 2002, с.43, 44). В этом плане наличие волынцевских поселений на Старокиевской горе и в Киевском Поднепровье (Ходосовка I, II, Обухов II) (рис.3) хорошо согласуется с информацией “Повести временных лет” (далее ПВЛ) об уплате дани хазарам полянами, но первые славянские ком-

плексы с “хазарскими” чертами в Правобережном Среднем Поднепровье появляются еще в кон.VII – нач.VIII в., судя по находке канцирского кувшина в пеньковском жилище 3 из Будиц (Приходнюк О.М., 1990).

Выпадение славянских кладов 1 и 2 групп в связи с вторжением в лесостепь кочевников (в основном хазар) предполагалось исследователями давно (Корзухина Г.Ф., 1955; Артамонов М.И., 1990; 2002б; Щеглова О.А., 1990; Приходнюк О.М., 2002), но прямо связывали пересечение ареалов славянских кладов с кочевническими погребениями лесостепи только М.И.Артамонов и В.Я.Петрухин (Артамонов М.И., 2002б; Петрухин В.Я., 2002), ориентируясь, правда, при этом в основном на левобережные комплексы. Выделение группы кочевнических погребений нач.VIII в. Правобережной Киевщины позволяет впервые рассмотреть исторический контекст знаменитой легенды ПВЛ о “полянской дани” хазарам.

Легенда о “дани мечами”

Сюжет ПВЛ об установлении власти хазар над полянами первоначально входил в состав Древнейшего свода, смыкаясь с легендой об основании Киева. Лишенный четких хронологических ориентиров, сюжет был привязан летописцем к историческим событиям VII в. при второй редакции, причем за основу были взяты византийские исторические сочинения, трактованные летописцем в контексте славянской исторической памяти.

Автор исторического экскурса летописи (ПСРЛ, 2001, т.I, ст.10-12; т.II, ст.8, 9) последовательно рассказывает о славянском расселении VI-VII вв. до завоевания Нижнего Подунавья булгарами. Лаврентьевская летопись сообщает об этом событии так: “Словѣнскѹ же зыкѹ коже рекохомъ, живоуще на Дунаи, придоша ѿт Скѹфѹ, рекше ѿт Козарѹ, рекомни Болгаре [и] сѣдоше по Дунаевѣ, [и] населници Словѣномъ быша” (ПСРЛ, 2001, т.I, ст.11) – “[К] славянским же народам, уже упомянутым, живущим на Дунае, пришли от скифов, т.е. от хазар, [племена], называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильниками славянам”. “Посемь придоша Оугры Бѣли [и] насѣдиша землю Словѣнскѹ, си во Оугры почаша быти при Иракли цри, иже находиша на Хоздро црѣ Перьскаго” – “по сем пришли белые угры и заняли славянскую землю; эти угры уже были при царе Ираклии, который ходил на Хосроя – царя персидского” (ПСРЛ, 2001, т.I, ст.11). В Ипатьевской летописи добавлена ещё одна ремарка – “А по семъ придоша Оугры Бѣли, и насѣдиша землю Словѣнскѹю, прогнавшѣ Вололохы, иже бѣше

преже прилѣ землю Словенскую” (ПСРЛ, 2001, т. II, ст. 9) – “по сем пришли белые угры и заняли славянскую землю, прогнав Волохов, которые прежде завоевали землю славянскую”. Более поздний редактор явно не совсем понял, каким образом “угры” могли вытеснить болгар с их земли в Подунавье, если этот народ оставался в Болгарии и в его дни, поэтому в этой фразе и заменил “Болгаре” на “Волохи”, дописав, что “Волохи” успели до угров завоевать славянские земли.

Особого интереса с нашей стороны эти события не вызвали бы, если бы летописец отождествил “белых угров” с мадьярами, но последних автор ниже назвал “черными уграми”, тогда как рассматриваемых угров он связал с тюрками, воевавшими вместе с Ираклием с персами в 627-629 гг. Почему тюрки названы в тексте “уграми”? Особого этнического подтекста в этом нет, просто в византийской историографии X в. венгры часто именовались “тюрками” (Туркои) (Константин Багрянородный, 1991). Древнерусский же автор “вернул” греческому “тюрки”, исходное, по его мнению, значение, подчеркнув, тем не менее, что упомянутые им “угры” не тождественны мадьярам. Таким образом, анализируя греческие источники, летописец выделил как важное событие приход из Хазарии на Дунай болгар и завоевание ими славянских земель (680 г), а затем упомянул о каком-то занятии “славянской земли” тюрками (“белыми уграми”), сопровождавшимся изгнанием болгар. Поскольку болгары Подунавья не подвергались нападению со стороны тюрков, а мадьяры заняли не Болгарию, а Среднее Подунавье, остается лишь предполагать, что изгнание болгар из Хазарии сопровождалось затем вторжением тюрков в славянские земли.

Продолжение исторического экскурса заставило летописца вспомнить и об аварской осаде Константинополя 626 г, и о насилии авар над дулебами. И только после описания обычаев восточнославянских племен летопись вновь продолжила повествование Начального свода об истории Киева: “По сихъ же лѣтѣхъ по смрти вратѣ се, выша видими Древлями [и] инѣми школьними, и нандоша Козарѣ сѣдѣща на горахъ сихъ в лѣтѣхъ и рѣша Козари, платите намъ дань” (ПСРЛ, т. I, ст. 16, 17). Легенда довольно уверенно повествует от лица киевлян, утверждая, что хазары нашли полян именно “на горахъ сих”, т.е. киевских. Но такое мощное вторжение хазар, повлекшее за собой их появление в окрестностях Киева, несомненно, должно было затронуть все славянское население Правобережного Среднего Поднепровья.

Материальными следами опасности, угрожавшей жителям Киева в нач. VIII в., следует считать клад 1892 г ювелирных изделий пастырского типа (Корзухина Г.Ф., 1996, табл. 1). Его появление не-

сомненно связано с теми же историческими событиями, что и разгром Пастырского городища, а следовательно, речь действительно идет о крупном кочевническом вторжении. Отмеченная же выше линия кочевнических комплексов нач. VIII в.: Ясиново – Глodosы – Журавлиха – Белая Церковь – Геленовка (рис. 3) действительно маркирует путь на север из Нижнего Поингулья с конечным выходом именно на Киев.

Значение рассмотренных комплексов трудно переоценить – перед нами не только “материализация” легендарного сюжета древнерусского сказительного цикла, но и одновременно материальные следы культуры участников этих событий: хазар и полян.

В.Я.Петрухин обратил внимание на тот факт, что в кочевнических комплексах лесостепи и Среднего Поднепровья рассматриваемого периода действительно содержались однолезвийные палаши, но появление двулезвийных мечей в Поднепровье исследователь отнес к X в., “когда в Киеве осели дружинники русских князей”, что позволило ему отнести легенду о полянской дани к конструкции монаха-летописца (Петрухин В.Я., 2002, с. 45). Не отрицая того факта, что легенда в ее поучительном варианте возникла никак не раньше разгрома Хазарии Святославом, мы, тем не менее, должны учитывать и возможность существования народных преданий на эту тему, опиравшиеся хоть и на очень отдаленные, но все же связанные с реальными событиями факты.

Обратим внимание на находку длинного двулезвийного кинжала с вырезами у рукояти на Пастырском городище, который О.М.Приходнюк относит именно к раннесредневековому славянскому слою (Приходнюк О.М., 1999а, рис. 2, 1). Б.В.Магомедов и М.Е.Левада с оговорками относят эту находку к черняховскому времени (Магомедов Б.В., Левада М.Е., 1996, с. 306), но черняховского слоя на Пастырском городище и в его округе нет, поэтому исследователи не исключают и его более позднюю дату – до нач. VI в. Затрудняется с датировкой кинжала и В.Супо, допуская его датировку VII в. на основании диапазона бытования подобного оружия в Восточном Причерноморье (Souprault V., 1996, p. 64, 65, 69). Учитывая спорность даты данного экземпляра, строить аргументацию на нем преждевременно, но и полностью отрицать наличие у славян в это время германского комплекса вооружения, включавшего длинный кинжал с боковыми вырезами и комплектный ему длинный двулезвийный меч с прямым перекрестьем, мы не можем.

Второй аспект проблемы – что такое “дань мечами” в контексте народной, а не книжной легенды? В традиционной интерпретации, корни которой теряются где-то в историографии XIX в., “дань

мечами” – иносказательное название вооруженного отпора. Многочисленные находки в слое пожара Пастырского городища кочевнических наконечников стрел, а также скелетов погибших жителей городища однозначно указывают на отказ подчиниться. Парадокс, но всего в 60 км к западу от Пастырского (рис.3, 10) обнаружен кочевнический комплекс из Глодос (рис.3, 11) с кремированными останками человека, получившего, как минимум, две рубленые раны: в голову и бедро. По богатству украшений комплекс уступает только знаменитому Перещепинскому комплексу, который явно принадлежал правителю рассматриваемой группы кочевников. Таким образом, в событиях, по времени очень близких разгрому Пастырского городища, у хазар погиб в бою один из высших вождей.

Кто мог быть врагом хазар в Северном Причерноморье в нач.VIII в.? Булгары уже давно переселились в Нижнее Подунавье и к нач.VIII в. окрепли настолько, что смогли даже оказать военную помощь Юстиниану II в его попытке занять престол в 705 г, а затем разгромили войска самого Юстиниана при Анхиале в 708 г. К 711 г союз между Тервелем и Юстинианом II восстановился, что теоретически делает возможным участие булгар в коалиции против хазар в событиях 711-712 гг, но о таком союзе ничего не сообщают хорошо информированные о данном периоде Феофан и Никифор. Фактически, за исключением одной поздней болгарской глоссы, утверждающей, что Аспарух погиб в стычке с “исмаильянами”, даже отдаленных намеков на продолжение булгаро-хазарского конфликта после 680 г у нас нет. Не располагаем мы и данными о серьезных столкновениях между византийцами и хазарами в Крыму в период конфликта 708-712 гг. Следовательно, гибель вождя из Глодос не может быть привязана ни к одному из известных исторических событий, что, в свою очередь, служит косвенным свидетельством именно в пользу “славянской” версии.

Вторым фактором, который мог породить предания о славянском отпоре хазарам, является на-

личие на Правобережном Среднем Поднепровье не одного, а двух горизонтов славянских кладов, свидетельствующих о двух эпизодах вторжения кочевников в этот регион. Первый эпизод, вслед за автором ПВЛ, мы должны связать с тюрками (“белыми уграми”), вторгшимися в славянские земли около 665-680 гг, сразу после поражения и переселения булгар Аспаруха в “Онгл” или же чуть позже 680 г, уже после переселения булгар за Дунай. Второй эпизод, который датируется по времени появления кочевнических погребений на Киевщине не ранее рубежа 695 г, Древнейший свод связывает уже с хазарами. Крайне интересно в этом плане, что армянский географ Ананий Ширакаци в пространной редакции “Армянской географии” (около 680 г) также называет народы, появившиеся в Восточном Приазовье и явно вытеснившие оттуда булгар Аспаруха, “тюрками” (Патканов К., 1883, с.29), а не хазарами. Этот факт, на наш взгляд, объясняется тем обстоятельством, что во 2-й пол.VII в. хазары сами позиционировали себя как преемников Тюркского каганата, закономерно воспринимаясь соседями как “тюрки”. И лишь с образованием II Тюркского каганата (682 г) хазарам и их соседям пришлось акцентировать внимание на названии “Хазария”.

Две волны хазарского вторжения в славянскую лесостепь привели к покорению огромного ареала восточнославянских племен полян, северян, радимичей и вятичей, остававшихся данниками каганата до 2-й пол.X в. Но население Правобережного Среднего Поднепровья (или уже – Киева) помнило и неудачный вооруженный отпор, которое оно оказало хазарам в нач.VIII в., и свое “освобождение” от хазарской дани ранними русами, сопровождавшееся в реальности разгромом в 1-й трети IX в. Старокиевского волынцевского городища (Комар А., 2005), а затем и разгромом самой Хазарии войсками киевского князя Святослава. Все эти сюжеты к нач. XI в. и слились в единое “героическое” предание о “полянской дани”, включенное в Древнейший свод.

Summary

A.V.Komar (Kiev, Ukraine)

NOMAD BURIAL OF EARLY VIII C. NEAR ZHURAVLIKHA VILLAGE AT MEDIUM DNEIPER REACHES

The paper presents the destroyed burial of barrow I near Zhuravlikha village of the forest-steppe region in the medium right-bank Dnieper reaches with a rare Byzantine solidus of Constantine II coin issued 646-51 AD. The funeral rite involves the intake east oriented burial accompanied by a horse skull and extremities. The burial belongs to a classic type of monuments such as Sivashovka, being rather similar to the burials belonging not to

the Northern Black Sea Littoral, but to the East Azov area. However, in the common cultural and geographic context the burial makes an integral part with Glodos, Gelenovka, Belaya Tserkov and Yasinovo complexes which mark a route of nomads' deep incursion into Slavonic lands in the early VIII c.

The appearance of burial from Zhuravlikha and a group of forest-steppe nomads' burials of the early VIII c. related with it in the medium right-bank Dnieper reaches very probably can be synchronized with the devastation of Slavonic Pastyr hillfort and hiding of Slavonic hoards of the 2nd group (from Kiev and Vorobievka), by O.A.Scheglova. These events are unambiguously connected with the fact that East Slavonic tribes were subordinated to Khazars which was described in the "Tale of Bygone Years" in the form of a legend about Poliane's "swords tribute".

Статья поступила в редакцию в мае 2005 г